

В шаговой доступности

Андрей АНИСИМОВ

Толмачёв ударил в последний раз по обшивке кувалдой и со вздохом облегчения опустил тяжёлый инструмент наземь. От махания этой штуковиной у него ныли руки, а в ушах звенело, но своего он всё же добился: теперь этот участок кормы выглядел куда более сносно, хотя его и испещряли бесчисленные следы правки. Оставалось только заварить швы и трещины, и на обшивке можно было поставить точку.

— Не корабль, а мятая пивная банка, — заметил Толмачёв, критически рассматривая плоды своих трудов. — Однако ладно. Лишь бы держалось... Он отставил кувалду в сторону, отёр со лба пот и уселся прямо на каменную почву, устало опершись спиной о корабельный корпус, оказавшись, таким образом, лицом к лицу с целой дюжиной артаонов, сидящих полукругом и молча взирающих на его потуги.

— Если б не сработала «подушка», от кормы вообще остались бы одни лохмотья, — заявил он своим молчаливым зрителям. — Целостность обшивки — первостепенная вещь на корабле. Даже там, где, казалось бы, от этого ничего не зависит. Не люблю, знаете ли, когда по кораблю гуляют сквозняки. Я от этого плохо сплю. Хе-хе.

— Хороший способ отпугивать демонов расщелин, — заметил один из аборигенов по имени Фелаг. — Готов поспорить, что от этого грохота они забились на самое дно своих нор.

— Духи этого валуна получили хорошую взбучку, — проговорил, в свою очередь, Борх. — Теперь они будут послушными.

Толмачёв покачал головой.

— Борх, я тысячу раз говорил тебе, что внутри нет никаких духов и демонов. Там только механизмы, которые приводят его в движение. Вот подлатаю его, тогда увидите.

— Вот как? А я думал, это произойдёт сейчас. Ты так его лупил, что те... механизмы, которые в нём живут, просто обязаны были сдвинуть его с места.

— Там никто не живёт. Он неживой. Железо...

— Тогда я не понимаю, — искренне признался Борх. — Как неживая вещь способна двигаться?

Толмачёв спокойно поглядел на аборигена и неопределённо дёрнул плечами. Рассказывать и доказывать что-либо было совершенно бесполезно; он уже делал это десятки раз, так ничего и не добившись. Местные, не глупый, в общем-то, народ, никак не могли взять в толк, что двигать-

ся способны не только существа из плоти и крови. Слово «механика» им было совершенно незнакомо. Как, впрочем, и слово «корабль». Они упорно именовали его валуном, тем более что никто из них не видел его приземления. Толмачёв шлёпнулся ночью, а по ночам местные поголовно прятались в своих китлу от демонов темноты. Увидев поутру разбитый разведывательный рейдер, они решили, что его вытолкнули из-под земли тамошние обитатели, хотя вид человека, вышедшего изнутри, артаонов почему-то нисколько не удивил.

Отдохнув, Толмачёв снова взялся за дело. На смену кувалде появился портативный сварочный аппарат. Цепляя на пояс батарею, Толмачёв предупредил:

— Сейчас будет очень яркий огонь. Так что лучше отвернитесь или закройте глаза.

— Ты собираешься жечь его огнём? — поинтересовался Борх и в изумлении вздыбил затылочные пластины. — О-о! Огонь заставит его быть сговорчивее.

— Не смотрите в мою сторону, — ещё раз предостерег Толмачёв, проигнорировав последнюю фразу, и надвинул на лицо защитную маску.

С трещинами и разошедшимися швами пришлось повозиться, но в целом справился с этой задачей он достаточно легко, израсходовав всего-то несколько электродов и энную часть заряда батареи. Выключив аппарат, он снял с лица маску, осмотрел полувывисшие швы, поцокал языком и только после этого обернулся.

Понятное дело, никто из местных и не подумал отворачиваться, чтобы не пропустить такое зрелище, и все теперь сидели, растирая огромными кулаками слезящиеся глаза.

— Прямо как солнце, — заметил Танак, самый старший из собравшихся. — Слепит.

— Я предупреждал, — отозвался Толмачёв.

— Даже не шевельнулся, — разочарованно проговорил кто-то. — Упрямый дух...

Собрав весь оставшийся снаружи инструмент, Толмачёв отнёс его в корабль и вскоре вернулся, вытирая о комбинезон руки.

— Ну вот, с обшивкой закончено. — И взглянув в предзакатное небо, добавил: — На сегодня, думаю, достаточно. Это послужило своеобразным сигналом. Аборигены разом поднялись с каменистой земли и потянулись к невидимому за холмом посёлку. Ростом они были под два с половиной метра, так что Толмачёв чувствовал себя среди них пигмеем, попавшим в команду баскетболистов. Стараясь не отставать, он двинулся вслед за остальными, пристроившись к замыкающему шествие Борху.

— Так как насчёт завтрашнего дня?

— Как условились. Завтра я иду за листьями, а ты идёшь со мной, — ответил Борх.

— Это далеко?

Борх непонимающе посмотрел на землянина.

— Как обычно, — ответил он, махнув рукой куда-то на запад. — Там.

— Странно, — проговорил Толмачёв, решив не спрашивать, сколько это «как обычно» в шагах или часах пути, — я был в той стороне неделю назад и не нашёл ни одного дерева или куста, на котором могли бы расти такие листья. Только песок да каменная крошка...

— Значит, ты попал не в то место, — сказал на это Борх. — Они там есть. Вот увидишь.

В посёлке уже готовились к ночи, туша наружные очаги, и внося драгоценный огонь внутрь своих китлу — больших округлых жилищ, вроде монгольских юрт или чукотских яранг, — чтобы огонь не украли демоны мрака и не навредили им поселянам. У входа в китлу, которое отвели Толмачёву, тоже был очаг, и, судя по остаткам дымящихся головешек, чья-то заботливая рука совсем недавно погасила его, перенеся огонь внутрь, на фитиль объёмистого алебастрового светильника. Кроме этого, внутри обнаружили сосуд со свежей водой и плошка с мясом юку — небольшой крылатой ящерицы. Всё как обычно. Задёрнув полог, Толмачёв отнёс еду поближе к толстой циновке, заменяющей постель, вылил немного воды себе на руки, потом уселся на циновку и принялся за еду, поглядывая на стены своего китлу, освещённые дрожащим слабым светом каменной лампы.

Ничего неординарного в этом, в общем-то примитивном, сооружении не было, однако для мира, где, кроме карликовой чахлой растительности, мелкого зверья и камней, ничего не было, выглядело оно не совсем обычно.

Каркас китлу составляли огромные дугообразные, как слоновьи бивни, кости каких-то огромных животных, которых за месяц жизни на этой планете Толмачёв не видел ни разу и про которые даже сами аборигены не могли сказать ничего определённого. Это мы берём там, отвечали они на все расспросы, указывая куда-то то на юг, то на юго-восток. И это была не единственная странность. Каркас был покрыт не менее огромными листьями красноватого оттенка и, судя по их размерам, растение, которое имело такие листья, должно было быть поистине исполинским. Ничего похожего тут Толмачёв также не встречал. Брали их где-то в другом месте, также не уточняя где именно. Остальное добро, которое они использовали в обиходе, было под стать жилищам, вплоть до дров. Для приготовления пищи и прочих нужд их требовалось куда больше, чем могли дать низкорослые кустарники, что росли по склонам окружающих холмов. Тем не менее с топливом у местных никаких проблем не было. Каждое утро они откуда-то приносили целые охапки хвороста, распределяя его потом между китлу. Где его набирали, также оставалось загадкой. Занятый по большей степени ремонтом своей покорёженной посуды и преодолением языкового барьера, Толмачёв не спешил выяснять эти странности, ограничиваясь вопросами, однако настал момент, когда он решил восполнить этот пробел и выяснить, откуда берётся это необъяснимое изобилие всякого добра на столь скудной планете.

Покончив с мясом, Толмачёв выпил воды, потом стянул с себя ботинки. Спал он одетым, в комбинезоне и уже успел привыкнуть к такому полупроходному образу жизни. Конечно, он мог бы ночевать и в корабле, однако не стоило пренебрегать жестом дружелюбия, когда ему предложили отдельное жилище в посёлке. Бог с ними, с неудобствами, зато у него

наладились хорошие отношения с поселянами, которые оказались удивительно добрым народцем. Если не считать самой аварии, ему здорово повезло, что он попал сюда.

Вытянувшись на мягкой циновке, он долго смотрел на мигающий огонёк светильника, заправленный маслом, выжатым из неведомых плодов, которые невесть на чём росли, и не заметил, как уснул.

Утро следующего дня выдалось серенькое, но Борх, поджидавший Толмачёва у входа в своё китлу, заявил, что день прекрасный. По здешним меркам ясная погода считалась мерзкой, пасмурная — замечательной, а если начинался дождь, он вызывал всеобщее ликование. Толмачёв вполне разделял вкусы местных: под палящим солнцем, среди каменной пустыни, было, мягко говоря, неуютно, а после осадков она полностью преображалась, покрываясь свежей растительностью и редкими крошечными цветами. Да и в воздухе становилось поменьше пыли.

К удивлению Толмачёва, выходя из посёлка, Борх повернул не на запад, куда указывал вчера, а в другую сторону.

— Конечно, — невозмутимо ответил на это абориген. — То место было там вчера вечером, а сегодня утром надо идти в другую сторону.

Толмачёв недоумённо поглядел на своего провожатого.

— Что-то я не понимаю, оно что, блуждает, что ли?

— Каждый раз надо заходить с другой стороны, — неопределённо проговорил Борх.

— В разное время суток, ты имеешь в виду?

— Да.

— Чудно. В первый раз иду за чем-то куда-то, что ведёт себя таким странным... — говоря это, Толмачёв повернулся к своему спутнику и тут неожиданно обнаружил, что идёт совершенно один. Борх, ещё секунду назад шагавший рядом, куда-то пропал. Остановившись, Толмачёв завертел головой, однако спрятаться здесь было совершенно некуда: кругом растлались бескрайние каменные россыпи, а до ближайших китлу было не меньше полусотни метров. Совершенно сбитый с толку, Толмачёв

поглядел вверх, но там увидел не больше, чем до этого: лишь серое небо, с крошечными точками парящих юку.

— Что за...

— Так ты идёшь или будешь смотреть на эту мелюзгу? — раздалось рядом.

Толмачёв вздрогнул от неожиданности, обалдело уставившись на столь же внезапно возникшего рядом Борха.

— Откуда ты взялся?

— Ты разве не видел лаз? — вопросом на вопрос ответил Борх.

— Не видел чего?

— Аарх! — выдохнул Борх и сграбастал ладонь Толмачёва своей огромной шестипалой лапой. Потом шагнул вперёд и потянул его за собой. Толмачёв невольно шагнул следом и едва не уткнулся лицом в куст. Отстранившись от колючих красноватых веток, он скользнул вокруг себя взглядом, недоумевая, откуда тут вдруг взялся этот куст, и обомлел.

Секунду назад вокруг были только камни да редкая, выгоревшая на солнце трава, но сделав всего один шаг, он внезапно очутился среди пышного луга, того же красноватого оттенка, над которым пылали багряные небеса и в которых плыло совсем уж невероятное, овальное, как дыня, солнце. Поодаль виднелось гороподобное растение, увешанное знакомыми уже листьями-парусами.

— Что... Где... — заикаясь пролепетал Толмачёв, очумело вертя головой.

— Это называется Место Где Мы Берём Листья, — терпеливо объяснил Борх.

— Но это же другая планета!

— Другое место, да. — Слово «планета» Борху, также ни о чём не говорило, как многие другие, принесённые сюда человеком.

— Невероятно! — Толмачёв провёл рукой по веткам и снова огляделся. — Как это получилось?

— Я выбрал лаз и прошёл через него. Просто.

— Что б меня... — выдохнул Толмачёв. — Ничего себе — просто! Вы ходите с планеты на планету, как из комнаты в комнату! Борх, ты не представляешь, какие между этими местами расстояния! Световые годы, миллиарды миллиардов километров! — Один шаг, — просто ответил на это Борх. — Надо дойти до ближайшего

нужного лаза и сделать шаг. Не так уж и далеко.

— Да, — каким-то упавшим голосом повторил Толмачёв. — Всего один шаг. Он посмотрел на огромное дерево, и, словно разговаривая сам с собой, сказал:

— Так вот, значит, откуда у вас всё...

— Здесь только листья, — ответил Борх. — Основу для китлу мы берём в другом месте, там много воды, среди которой клочки земли. Пластины для стрел, в месте, где холодно, а солнце большое, и очень красное. А там, где растёт длинное растение для циновок и корзин, наоборот — солнце совсем крошечное, но нестерпимо горячее, и ещё там дурной воздух, им почти нельзя дышать...

— Невероятно, — повторил Толмачёв. — Сколько же миров, то есть, мест, ты видел?

— Очень много. Не хватит пальцев на руках и ногах всех наших, чтобы сосчитать.

— И в каждое ведёт свой лаз?

— Иногда и не по одному. — Борх посмотрел сверху вниз на растерянного Толмачёва. — Разве ты и твой народ не ходите через лазы?

Толмачёв отрицательно помотал головой.

— Нет. Мы даже и не знали, что они существуют. То есть, подозревали о их существовании, но никто никогда так и не нашёл ни одного. Гиперпространственный переход... Один шаг — и ты в другом мире... Господи, а мы-то ползаем по галактике в своих стальных пузырях и считаем себя покорителями Вселенной. А вы давно уже покорили её. — Толмачёв снова помотал головой. — Если б я мог так делать, разве я стал бы возиться со своей битой посудинкой...

— Я понял! — вдруг рассмеялся Борх. — Так значит этот дух, который заключён в твоём валуне, выходит, это он носит тебя с места на место?

— Да, — ответил Толмачёв. — По-другому мы не умеем.

— Поэтому ты и истязал его, заставляя повинаться! Аарх! — Продолжая смеяться Борх «выдернул» Толмачёва с красной планеты обратно, в серый каменный мир артаонов, а затем повернул человека к восходящему солнцу и, упёршись в его спину

всей своей пятернёй, толкнул его в эту сторону.

Толчок едва не свалил его с ног. Пытаясь сохранить равновесие, Толмачёв прыгнул вперёд, во второй раз за последние четверть часа испытыва потрясение.

Он снова стоял в густой траве, но теперь трава была привычно зелёной, кроме того, вокруг росли ещё и деревья. Не узнать их было невозможно, как и серое ровное пространство, видневшееся вдаль, заставленное серебристыми корпусами кораблей.

Посадочная площадка.

Там что-то двигалось, и, присмотревшись, Толмачёв разглядел крошечные человеческие фигурки, переходящие от корабля к кораблю.

Толмачёв оглянулся, однако за спиной был тот же обычный земной пейзаж, освещённый родным земным солнцем. Борх и его мир исчезли.

Проглотив ком в горле, Толмачёв сделал осторожный шаг, точно шёл не по твёрдой почве, а по топкому болоту, за ним второй, третий... Всё ещё терзаясь сомнениями, он опустил в траву руки, вырвал пучок травы и тут же бросил его. Трава была настоящая, солнце грело, а налетевший порыв ветра принёс с собой аромат полыни и бесконечно далёкий рокот мотора. Это и впрямь была Земля, вне всякого сомнения.

Так они знают про Землю, догадался Толмачёв, и эта мысль потрясла его не меньше, чем всё остальное. И они уже видели людей. Потому и не удивились ему...

А возможно и люди уже видели их, подумалось ему следом. Боги и чудища древних религий, персонажи сказок и мифов, йети, энлонавты и прочая живая аномальщина... Не исключено, что именно за них и принимали артаонов, не подозревая, что это просто космические пешеходы. Дикари-собиратели и охотники, наделённые особой способностью находить короткие пути сквозь бездны космоса и ходить по этим, проложенным кем-то вне пространства и времени тропам. Интересно, а что они брали здесь, на Земле?

Путаясь в высокой траве, он пошёл к площадке, совершенно оглушённый бешено колотящимся сердцем, всё убыстряя и убыстряя шаг.

Через минуту он уже бежал. тм